

ФАНТОМ

ФАНТОМ

18+

К.А. Савина

К. А. Савина

Фантом

«Автор»

2026

Савина К. А.

Фантом / К. А. Савина — «Автор», 2026

Макс Кроу когда-то был иллюзионистом. Теперь он - пьяный банкрот, проигравший всё, включая желание жить. Незнакомец в баре оставляет ему конверт с деньгами и предложение: одна ночь работы, понаблюдать за человеком в поезде. Макс соглашается. И попадает в «Фантом» - поезд, идущий через семь кругов ада. Здесь пассажиры платят воспоминаниями, надеждами и страхами. Здесь Внешние охотятся на тех, кто ослаб. Здесь заправляет Владелец - существо, коллекционирующее души как бабочек. А сопровождающий Алекс, циничный Жнец в чёрных перчатках, кажется, знает о системе всё. Но несколько сотен лет службы не сделали его счастливее - только опаснее.

© Савина К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

К. Савина

Фантом

Глава 1

Последний причал

Дождь барабанил по жестяной крыше бара «Последний причал» с монотонностью метронома, отсчитывающего чью-то агонию. Казалось, даже капли устали от вечного падения - они не летели вниз, а сползали, цепляясь за ржавые водостоки, будто и сами хотели задержаться в этом мире хоть на секунду.

Макс сидел в дальнем конце стойки, там, где неоновая вывеска «ПИВО» дышала в ритме перебоев. Она то вспыхивала мертвенно-розовым, то угасала, погружая угол в темноту, то снова загоралась, словно сама пыталась напиться до беспамьятства и никак не могла.

Перед ним стояла бутылка виски. Наполовину пустая или наполовину полная - смотря как считать его жизнь. Белая рубашка с закатанными рукавами, когда-то крахмаленная и сияющая под софитами, теперь пестрела бурными разводами - не то от соуса, не то от пролитого кофе, не то от чего-то, о чём он уже не помнил. Чёрные подтяжки уныло свисали с одного плеча, а галстук-бабочка болтался на шее криво, будто повешенный, потерявший последнюю надежду на спасение. Макс не поправлял её уже несколько часов. Может, дней. Он не считал.

— Ещё, — буркнул он, не глядя на бармена.

Тот - человек с лицом, которое забыло, как улыбаться, - молча налил. Скрип пробки, дребезг стекла о стекло. Этот звуковой ритуал заменял им обоим человеческое общение. Когда-то они перебрасывались парой слов - о погоде, о футболе, о том, что жизнь - дерьмо. Теперь даже это ушло. Остался только дождь за окном, хрипы старого вентилятора под потолком да ритмичное «кап-кап-кап» где-то в углу, где протекала крыша.

Макс поднял стакан. Посмотрел сквозь янтарную жидкость на искажённый, плывущий мир. Стекло преломляло свет, и барная стойка изгибалась, как в кривом зеркале. Вот и всё его королевство: кривое отражение в виски, запах табака и безнадежности, стул, врезающийся в позвоночник, и тишина, которую он сам выбрал.

Когда-то - он помнил это смутно, как помнят сон десятилетней давности, - он носил эту рубашку на сцену. Тогда она сияла. Тогда на него смотрели сотни глаз. Тогда эти ловкие пальцы заставляли карты исчезать в воздухе, появляться в карманах зрителей, менять масти по одному щелчку. Он подчинял тишину целого зала - заставлял людей задерживать дыхание, а потом взрываться аплодисментами. Его называли «Максимилиан Кроу - повелитель иллюзий».

Теперь эти пальцы лишь дрожали, поднося стакан к потрескавшимся губам.

Он сделал глоток. Виски обжёг горло привычным теплом, но не принёс облегчения. Уже давно не приносил. Он пил не ради вкуса и не ради опьянения - он пил, чтобы заглушить голос. Тот самый, который звучал в голове каждую ночь, когда он оставался один. Голос, который спрашивал: «Как ты докатился до этого, Макс?»

Дверь открылась без единого звука, впуская порцию промозглого холода и фигуру в длинном плаще, с которого вода сбегала сплошными ручьями. Ткань была темна, почти черна - но не по природе, а от насквозь пропитавшей ее влаги. Незнакомец не встряхнулся, не выругался на ливень. Он только переступил порог и застыл, безжалостно ощупывая взглядом помещение.

Незнакомец скользнул взглядом по редким теням в углах - двое пьяниц, спящих за дальним столиком; старуха, греющая руки о чашку с чем-то горячим; бармен, механически проти-

рающий стакан, - и задержался на Максе. На секунду дольше дозволенного простым любопытством. На две секунды. На три.

Макс не обернулся. Он всё ещё смотрел в стакан. Но кожей ощутил чужое внимание - не просто взгляд, а прицел. Тот самый холодок в затылке, знакомый по старым временам. Раньше он чувствовал его, когда угадывал карту в руке зрителя. Теперь - когда понимал, что за ним наблюдают. Не просто глазеют. Изучают.

Макс медленно повернул голову.

Незнакомец уже шёл к стойке. Его шаги были бесшумными - подошвы не скрипели по деревянному полу, хотя должны были. Он сел через один табурет от Макса и положил руки на стойку.

— Виски. Чистый, — голос был ровным, без интонаций, как у врача, оглашающего диагноз. Без «пожалуйста». Без «будьте добры».

Бармен налил. Незнакомец не притронулся к стакану. Вместо этого он повернулся к Макс, и полы его плаща разошлись. Под плащом обнаружилась белая рубашка - идеально отглаженная, с закатанными до локтя рукавами. На шее - чёрная бабочка.

— Максимилиан Кроу?

Не «Макс». Полное имя. То самое, которое похоронили десять лет назад вместе с афишами, овациями и женщиной, которую он когда-то любил. То самое, которое теперь резало слух, как осколок разбитого зеркала.

— Меня нет, — прохрипел Макс, отворачиваясь к своей бутылке. Собственный голос показался ему чужим - слишком сиплым, слишком низким. Голос человека, который слишком много молчал и слишком много пил.

— Жаль. — Незнакомец не двинулся с места. — Мне сказали, что вы лучший из тех, кто умеет наблюдать.

В его интонации проскользнуло едва неуловимое - не то ирония, не то искренняя констатация факта. Он произнёс слово «наблюдать» так, будто оно имело особый вес. Будто это был титул. Или клеймо.

Макс хмыкнул, не оборачиваясь:

— Вам солгали. Я лучший из тех, кто умеет пить. И то - уже не факт. Конкуренция высокая.

— Скромность украшает, — он не поведя бровью проглотил сарказм, — мне же нужны не украшения, а мастерство. Заказ на ночь. Оплата - ваши долги. Все. Прошлого месяца.

Рука Макса замерла на полпути к стакану. В висках застучало. Он действительно проигрался в прошлом месяце. Проигрался так, как не проигрывался никогда. В пух и прах. В ноль. В минус. Долги висели над ним так низко, что он слышал свист лезвия гильотины. Он не говорил об этом никому - даже бармену, который знал его лучше, чем кто-либо.

— Откуда вы знаете о моих долгах? — спросил он, не оборачиваясь.

— Это неважно. Важно - что знаю я. В том числе то, как три года назад вы прошли мимо. Мимо чего-то важного. Вернее, кого-то.

Макс резко обернулся. В груди что-то оборвалось и ухнуло вниз.

Взгляд незнакомца был прямым и неотрывным. Светлые глаза - неопределимого, выцветшего оттенка, как снимок, пролежавший на солнце десятилетие. Ни намёка на угрозу. Ни тени сочувствия. Лишь информация - дозированная, безупречно точная, ледяная.

— Какая работа? — спросил Макс. Его голос прозвучал глухо.

— Понаблюдать за одним человеком. В поезде.

— В поезде куда?

— Это неважно. — Незнакомец чуть качнул головой. — Важно - когда. Сегодня. В полночь. Станция за восточной промзоной. Вы знаете её.

Макс знал. Старая, заброшенная станция на окраине. Её закрыли лет пятнадцать назад, когда построили новую ветку. С тех пор там никто не останавливался. Никто не садился. Никто не выходил. Ходили слухи, что иногда по ночам там видели поезд, которого нет в расписании. Но Макс не верил в слухи. Он вообще давно ни во что не верил.

— А если я откажусь?

Незнакомец скользнул рукой под плащ и выложил на липкую стойку конверт. Тяжёлый, разбухший - деньги ощущались даже на глаз. Ни марки, ни надписи, ни зацепки. Только тиснение в углу: паровозик в круге - микроскопический, почти игрушечный.

— Тогда я оставлю это здесь. На случай, если передумаете. Поезд «Фантом». Вагон номер семь. Место тринадцать.

Он поднялся - одним плавным, текучим движением, будто его тело весило меньше, чем должно было. Не допил виски. Даже не притронулся. Просто развернулся и вышел, оставив после себя мокрые следы на полу и слабый запах озона - такой бывает после грозы.

Дождь поглотил его. Дверь закрылась.

Макс смотрел на конверт. Потом на свою полупустую бутылку. Потом снова на конверт. Его пальцы дёрнулись к деньгам сами, не слушаясь разума, который надрывно кричал откуда-то со дна алкогольного колодца: «Не трогай! Это ловушка! Ты же видел его глаза! Он знает. Знает».

Но разум Макса давно уступил место рукам. Руки помнили долги. Помнили пустые обещания. Помнили холод краплёной колоды. Помнили тот вечер: дождь, остановка, девочка со сломанной куклой. Он прошёл мимо - пьяный, торопливый, убеждённый, что это не его дело.

Он разорвал конверт.

Веер купюр - больше, чем он видел за последний год. Крупные, хрустящие, новенькие. Пахнущие типографской краской и чем-то ещё - едва уловимым, сладковатым, как горелые свечи. Макс пересчитал их дрожащими пальцами. Сумма была именно той, что он проиграл. До копейки.

Бармен, всё это время стоявший молча, покачал головой:

— Не надо, Макс. Этот маршрут... скверный. Я слышал о нём.

— От кого? — Макс поднял на него мутные, но яростные глаза.

— Парни из депо говорили. Его нет в расписании. Ни в одном. Он проходит по старым веткам, которых уже не существует. И люди, которые на него садятся...

— Что - люди?

Бармен отвёл взгляд. Поставил стакан на полку. Пожевал губу.

— Они не возвращаются, Макс. Никто из них не возвращается.

— Я уже не возвращаюсь, — Макс криво усмехнулся. — Три года сижу здесь и жду, пока эта гниль доберёт своё. Бар, долги, я сам - всё одно. А этот поезд... — он посмотрел на билет, — может, он довезёт меня туда, где я заплачу по всем счетам. Сразу. За всё.

— Хотя бы позвони кому-нибудь, — попытался бармен.

— Кому? — Макс горько усмехнулся. — У меня нет никого. Только долги. И воспоминания, которые тоже стали долгами.

Он встал, пошатнулся. Пол качнулся, в голове - туман. Выпил больше, чем казалось. Стул опрокинулся. В углу заворочался пьяный, что-то пробормотал и затих. Подтяжки свисали, бабочка съехала. Макс сунул деньги во внутренний карман - туда, где раньше лежала колода. Пальцы нащупали пустоту. Карт не было. Продал полгода назад. За бесценок. Даже не торговался. Теперь там только купюры. Холодные. Чужие.

— Если я не вернусь, — сказал он, уже направляясь к выходу, и голос его прозвучал почти буднично, - раздай долги. Список в ящике. Остальное пропей за упокой моей глупой души.

Дверь хлопнула за его спиной, отсекая тепло. Дождь принял его в свои холодные объятия.

Бармен перевёл взгляд с недопитой бутылки на опрокинутый стул, потом - на часы. Полночь минус двадцать две минуты. Время, когда одни поезда уходят, а другие - никогда не возвращаются.

Он перекрестился - неуклюже, сбивчиво, повторяя жест, забытый с детства. С тех самых пор, когда мать ещё водила его в церковь по воскресеньям, а он искренне верил, что где-то там, над облаками, кто-то присматривает за такими, как он.

«Храни его, Господи», — прошептал он в звенящую пустоту.

Но уверенности в том, что Господь вообще видит столь тёмные углы, у него не было.

Станция

Макс постоял на крыльце, пытаясь сообразить, в какую сторону идти. Промзона. Восточная окраина. Когда-то, в другой жизни, он ездил здесь на электричке - тогда горели фонари, пахло мазутом, и всё было просто. Теперь он не был тут целую вечность.

Сунул руки в карманы и пошёл.

Город закончился быстро. Улицы оборвались пустырями, заросшими сухим бурьяном. Под ногами захрустел гравий, сменившийся ржавыми рельсами - те проступали из земли, как старые шрамы. Макс перешагивал через шпалы, спотыкался, дважды едва не упал: туман скрадывал расстояния, и ноги проваливались в пустоты, которых он не замечал.

Миновал остов сгоревшего пакгауза. Перелез через покосившийся забор - колючая проволока рванула рукав, оставив влажный след на ткани. Прошёл мимо груды ржавых цистерн с полустёртыми буквами. Где-то в глубине промзоны залаяла собака - сипло, надрывно, как старушечий кашель. Макс поёжился и ускорил шаг.

Под ногами чавкала грязь пополам с мазутом. Ботинки промокли насквозь. Пальцы онемели. В висках стучало - то ли от остатков выпитого, то ли от долгой ходьбы, то ли от всего сразу.

Станция явилась из тумана внезапно. Никаких указателей, никаких огней. Только старый навес, покосившаяся табличка со стёршейся надписью и фонари с разбитыми плафонами, в которых агонизировал электрический свет. Он то загорался, то гас, то снова вспыхивал - и в эти вспышки Макс видел мокрый перрон, треснувший асфальт, обрывки газет, которые ветер гонял по кругу. На скамейке лежала чья-то перчатка - одна, без пары, насквозь промокшая. Макс уставился на неё. Чёрная кожаная перчатка. Точно такая же, как у того незнакомца. Или ему показалось.

На часах над перроном застыло 23:58. Стрелки не двигались.

Никого не было. Только ветер и дождь.

Макс поёжился. Хмель выветривался, и вместе с ним уходило спасительное безразличие. На смену приходило осознание - холодное, как дождь за воротником. Заброшенная станция. Полночь. Пачка чужих денег в кармане. Поезда нет. Как он сюда попал? Память обрывалась на двери бара и ледяных каплях на лице. Дальше - пустота, как будто кто-то вырезал эти минуты и аккуратно заклеил швы.

Он хотел развернуться. Уйти. Послать всё к чертям, вернуться в бар, выпить ещё и забыть этот дурацкий вечер как страшный сон.

И тут вдалеке, в пелене дождя, прорезался одинокий огонёк.

Поезд.

Он приближался без стука колёс, без лязга металла, без гудка - абсолютно беззвучно, как призрак. Только свет прожектора, серебристый, холодный, разрезал туман. Макс замер. Он видел многое за свою жизнь - иллюзий, фокусов, трюков, - но это было другое. Это было настоящее.

Поезд остановился. Тёмно-бордовый, почти чёрный, словно впитавший в себя цвет запёкшейся крови. Металл отливал глянцем, но в этом глянце не отражался свет - только тем-

нога. По боку шла золотая гравировка: «ФАНТОМ». Буквы были старинными, с засечками, будто начертанные не то в прошлом веке, не то в другом мире.

Двери вагона разъехались с мягким выдохом пневматики - единственный звук, который нарушил тишину. Из вагона пахло сухим теплом, старым деревом, кожей и знакомым сладковатым запахом горелых свечей.

Макс стоял на перроне. Дождь стекал по его лицу, по воротнику, по спине. Конверт в кармане, казалось, стал тяжелее - будто налился свинцом.

Он шагнул вперёд. Поднялся по ступенькам. Вошёл.

Макс шёл через вагоны, цепляясь взглядом за лица людей, которых не знал и никогда не узнает. В голове ещё плавал остаточный туман, и всё вокруг казалось слегка нереальным - то ли сон, то ли галлюцинация, то ли бред уставшего разума. Поезд был странным. Вагоны - старомодными. Пассажиры - и вовсе какими-то неправильными.

Мужчина во фраке и цилиндре - сидел навтыжку и смотрел перед собой остановившимся взглядом, будто ждал, когда объявят его станцию. Макс скользнул по нему взглядом и пошёл дальше, даже не успев удивиться. Рядом - женщина в лохмотьях, похожих на остатки платья после бомбёжки, прижимала к груди узелок. - "Бомбёжки?" - Мысль мелькнула и исчезла, не зацепившись. Дальше - дети с огромными, полными такого взрослого, такого глубокого ужаса глазами, что Макс поспешно отвёл взгляд. «Может, театр, — подумал он вяло. — Может, квест какой-то, и эти люди - актёры». Слишком сложно. Мысли путались. Глаза слипались.

Никто не обернулся на звук его шагов. Никто не спросил, кто он и куда направляется. Каждый сидел, запертый в своём коконе, - и Макс, плывущий сквозь похмельную муть, не мог понять, почему это кажется ему таким жутким. Вроде бы обычные люди - ну, почти обычные, - но что-то в их неподвижности, в их молчании, в их слишком старомодной одежде было... нездешним. Он потряс головой, но ясность не приходила. Алкоголь ещё не отпустил, и граница между реальностью и бредом оставалась размытой.

Он миновал вагон за вагоном, чувствуя, как воздух становится гуще, а тишина - плотнее, и наконец дошёл до седьмого.

Вагон №7 был пуст. По крайней мере, так показалось Макс, когда он вошёл.

На первом ряду, у самого окна, кто-то сидел. Женщина. Пожилая - это он скорее угадал, чем разглядел: свет падал скуп, оставляя лицо в тени. Она не шевелилась. Не обернулась на звук шагов. Просто сидела и смотрела в окно, за которым не было ничего.

Макс медленно пошёл по проходу. Шаги отдавались гулко, неестественно громко - деревянный пол скрипел, и этот скрип раздражал. Старинные кресла. Холодный бархат. Макс потёр лицо. Голова гудела. Ничего не имело смысла.

Место №13 находилось почти в середине вагона. Оно было занято.

Макс остановился. На бархатном сиденье лежал конверт. Точно такой же, как в баре - плотная желтоватая бумага, тиснёный уголок. Только надпись была другой. Каллиграфическим почерком, выведенным чернилами: «Максимилиан Кроу. Вскрыть перед отправлением».

Он сел. Холод от окна просачивался даже сквозь мокрый пиджак, пробирался под кожу, оседал в костях. Пальцы, всё ещё дрожащие, вскрыли конверт.

Внутри был билет.

Хрустящий, плотный, пахнущий типографской краской и всё тем же сладковатым запахом. Пункт назначения отсутствовал - только пустая строка. Время отправления: 00:00. И внизу - жирная, витиеватая подпись, сделанная теми же чернилами:

«ОПЛАЧЕНО».

Двери беззвучно сомкнулись. Макс посмотрел в окно, ожидая увидеть убегающие огни города, знакомые силуэты крыш, может быть, отражение собственного лица.

Но за окном была тьма.

Не та тьма, что наступает ночью. Не та, что прячется между фонарями. Это была тьма абсолютная - без проблеска, без движения, без глубины. Как будто мир за стеклом просто перестал существовать.

И в этой тьме, на самой границе слышимости, что-то шевелилось. Влажное, нетерпеливое, многоголосое. Словно тысячи душ прижимались лицами к стеклу с той стороны, пытаясь разглядеть нового пассажира.

Руки тряслись. Он поднял глаза на билет. Пункт назначения по-прежнему пустовал. Время отправления: 00:00. Подпись: «ОПЛАЧЕНО».

Макс сунул руку в карман. Пальцы нащупали купюры - хрустящие, новенькие. Он вытащил одну, поднёс к свету. Водяной знак проступил не сразу. А когда проступил - Макс увидел не герб, не портрет. Собственное лицо. Фотографическая точность: морщины, щетина, затравленный взгляд.

Купюра выпала из пальцев. Спланировала на пол. Он не нагнулся за ней. Смотрел, как она темнеет, впитывая тень, как по краям проступает плесень, как бумага истлевает сама собой.

В кармане хрустнули остальные - и стихли. Исчезли. Он знал это, не проверяя.

Поезд набирал ход. Стук колёс убыстрялся, складываясь в ритм, похожий на сердцебиение. Макс прижался лбом к холодному стеклу. С той стороны, вплотную к окну, что-то дышало - часто, влажно, нетерпеливо. Запотевшее пятно ширилось, и на стекле проступали очертания ладони. Не его. Слишком маленькой. Слишком тонкой.

Он зажмурился. Стук колёс стал громче. Или это уже не колёса.

Глава 2

Билет в никуда

Тишина в вагоне стояла не просто глубокая - она была медицинской, как вата, которой забивают рот покойнику. Она давила на барабанные перепонки, и Макс вдруг осознал, что слышит только три вещи: свой пульс - слишком быстрый, слишком громкий; собственное дыхание - хриплое, с присвистом, как после долгого бега; и тонкий, едва уловимый звон, будто, где-то далеко лопнула хрустальная нота и никак не могла угаснуть.

Он сидел на тринадцатом месте и силился понять, что происходит. Мысли не слушались - алкоголь ещё не отпустил, и разум барахтался в нём, как насекомое в меду. Вагон был чужим - из тех, что живут только на экране: тёмное дерево, бархат кресел цвета запёкшейся крови, медь, съеденная временем.

В торце вагона виднелась дверь в следующий вагон - массивная, с круглым окошком, забранном решёткой. Над дверью висело табло с номером: «VII». Семёрка была римской, выгравированной на металлической пластине. Такие вешали в поездах начала века.

Макс перевёл взгляд на билет. Бумага была неестественно холодной - такой холодной, что пальцы немели от прикосновения. Он провёл по ней большим пальцем, и текстура оказалась не гладкой, а влажной и упругой, как человеческая кожа. Как кожа на внутренней стороне запястья. На мгновение ему почудилось, что билет дрогнул в ответ - слабо, едва заметно, словно у него был собственный пульс. Макс подавил желание отбросить его прочь и вместо этого сунул во внутренний карман.

Он перевёл взгляд на окно.

Там царило отсутствие. Оптический вакуум, в котором глазу было не за что зацепиться. Как будто мир за стеклом просто перестали рисовать. Макс смотрел в эту пустоту и чувствовал, как внутри нарастает глухое, иррациональное беспокойство - то самое, которое возникает, когда долго смотришь в бездну.

Но бездна тоже смотрела.

В пустоте что-то двигалось. Бесформенные, полупрозрачные тени текли вдоль состава, как обрывки чужих кошмаров. Они не имели чётких очертаний - только намёк, только движение на грани восприятия. Иногда одна из них приближалась к окну, и тогда Макс казалось, что он видит лицо. Или то, что когда-то было лицом.

Макс отёрнулся от окна. Сердце колотилось где-то в горле. Он сделал глубокий вдох. Потом ещё один. Вдох. Выдох. Вдох.

— Соберись, — прошептал он сам себе. — Ты видел вещи и похуже.

Это было ложью. Он не видел ничего подобного. Но ложь успокаивала - старая, проверенная привычка.

Попутчики

Дверь в торце вагона дрогнула, поехала в сторону с тихим, вкрадчивым скрипом, который больше походил на вздох, чем на звук механизма. Макс вздрогнул. Инстинктивно прикрыл карман с билетом ладонью - жест, который сам себе не смог бы объяснить. Словно билет нужно было защищать. От кого? От чего?

В проёме стояла женщина.

Лет сорока, может, чуть старше. Строгий темно-серый костюм - юбка ниже колена, приталенный пиджак, белая блузка с высоким воротником. На бледной шее - нитка жемчуга, каждая бусина идеально круглая, матовая, явно настоящая. В правой руке она держала медицинский чемоданчик из потёртой коричневой кожи - такие были у врачей в середине прошлого века. Углы чемоданчика были стёрты до светлой замши, ручка отполирована годами использования.

Женщина вошла в вагон так, будто заходила в процедурный кабинет: спокойно, деловито, с привычкой человека, который провёл в таких помещениях тысячи часов. Поправила прядь волос за ухо - движение было точным, экономным, отработанным до автоматизма. Её глаза - серые, внимательные, с лёгким прищуром - быстро обожали вагон, оценивая обстановку. Задержались на пустом месте у окна.

— Вагон семь? — спросила она.

Макс кивнул, экономя дыхание. Слова почему-то давались с трудом, словно тишина вагона обладала собственной плотностью и не хотела пропускать звуки.

Женщина села напротив - через проход, наискосок. Поставила чемоданчик на колени. Щёлкнула замками - два точных, металлических лязга, резких, как скальпель по стеклу, от которых у Макса заныли коренные зубы. Откинула крышку. Внутри, насколько он успел заметить, были не привычные медицинские инструменты. Тёмное стекло. Металлические зажимы. Блокнот в чёрном переплётё.

— Доктор Элайза, — представилась она, извлекая блокнот и остро заточенный карандаш. — А вы, полагаю, новенький.

Это был не вопрос.

— Макс. Как вы узнали?

— По глазам. — Она раскрыла блокнот, перелистнула несколько страниц, исписанных мелким, убористым почерком. — В ваших ещё плещется удивление. Остальные пассажиры, — она кивнула куда-то в сторону других вагонов, — уже привыкли. Или смирились. Это две разные стадии. Первая - когда перестаёшь задавать вопросы. Вторая - когда перестаёшь надеяться на ответы.

— А вы на какой стадии?

Элайза подняла на него глаза. Взгляд был цепким, оценивающим.

— Я на третьей, — ответила она. — Я изучаю.

— Что изучаете?

— Систему. Маршрут. Пассажиров. — Она сделала короткую пометку в блокноте. — Всё, что происходит в этом поезде, подчиняется определённым закономерностям. Я пытаюсь их вычислить.

Макс хотел спросить, что она уже вычислила, но не успел.

Кондуктор

Свет в вагоне дрогнул. Не погас - замерцал, будто агонизирующий светлячок, и с тихим хлопком потух. Наступила темнота - но не полная. Сквозь окна сочилось слабое фосфорное свечение извне, очерчивая контуры кресел, поручней, неподвижные фигуры пассажиров. Всё выглядело как фотографический негатив: чёрное стало серым, серое - белым, белое - светящимся.

А потом Макс увидел его.

Где-то впереди у, самых дверей вагона, где тьма сгущалась сильнее всего, стояло нечто. Ростом около метра - не выше ребёнка. Сгорбленное, скрюченное, с силуэтом, который на первую долю секунды обманывал мозг, прикидываясь человеческим, но тут же предательски ломался в неправильных сочленениях. Плечи были слишком узкими для такой головы, руки - слишком длинными для такого тела, пальцы свисали ниже колен и волочились по полу, когда существо двинулось вперёд.

Кожа была серой, морщинистой, похожей на папье-маше, слепленное из старых некрологов. Она не обтягивала тело - она свисала складками, как ветхая ткань на сломанном каркасе. Вместо глаз зияли две глубокие, влажные впадины; в их темноте что-то едва заметно мерцало - бледное, холодное, как болотные огни. Носа не было - только две вертикальные щели, которые то сжимались, то расширялись, жадно втягивая воздух. А рот - если это вообще можно было назвать ртом - представлял собой кривую прорезь, стянутую по краям чем-то вроде старых,

заглубивших шрамов. Зубов, видно, не было, но внутри, в глубине, что-то шевелилось - не язык, а тонкое бледное щупальце, ощупывающее воздух.

На голове сидела кондукторская фуражка - маленькая, форменная, с мутной, потерявшей блеск кокардой. Её не надели - её прикололи. Булавка прошла сквозь серую кожу, проткнула череп и вышла наружу, с другой стороны, будто ткань была не плотью, а трухлявой материей.

Свет зажегся снова, но остался тусклым, как в операционной - ровный, безжалостный, выбеливающий все цвета.

Оно двигалось по проходу, не опираясь на пол, и воздух под его босыми ступнями струился и дрожал, словно над раскалённой дорогой. За ним шлейфом тянулся запах - смесь могильной земли, больничной карболки и чего-то неуловимо сладкого, напоминающего о букете, забытом в вазе, пока лепестки не начали гнить.

Элайза сидела неподвижно. Её лицо не выражало ни страха, ни отвращения. Она уже видела это раньше. Возможно, много раз.

Оно замерло напротив неё. Из груди - из-под рёбер, которых, возможно, и не было, - вырвался скрежет камней на дне сухого колодца. Звук был таким низким, что Макс не услышал его - он ощутил его нутром, через вибрацию, поднявшуюся от пола по подошвам.

Складываясь в слова, звук резал слух, оставляя на нём невидимые зазубрины:

— Би-ле-т.

Элайза спокойно протянула свой билет. Существо взяло его длинными пальцами, на которых суставов было вдвое, а то и втрое больше положенного. Каждый палец гнулся в нескольких местах, и движение напоминало скорее движение паучьих лап, чем человеческой руки. Существо поднесло билет к лицу - но не посмотрело. Понюхало, втянув воздух двумя щелями на месте носа. Билет дрогнул, на мгновение окутался бледно-голубым ореолом - холодным, как свет газовой горелки. Существо удовлетворённо щёлкнуло чем-то внутри горла и вернуло билет.

Голова - если это можно было назвать головой - медленно, с влажным, едва слышным скрипом повернулась. Впадины на месте глаз уставились на Макса. Оно не шло к нему - оно просто повернулось, будто почуяло что-то, чего не ожидало найти. Билет в его кармане запульсировал сильнее, и Макс готов был поклясться, что существо это почувствовало.

Оно подошло ближе.

Вблизи оно выглядело ещё хуже. Кожа была не просто серой - она была полупрозрачной, и под ней что-то двигалось: не мышцы, не кости, а что-то иное, тёмное, текучее, как нефть. Запах усилился - теперь Макс мог различить его составляющие: сырая земля, карболка, горелые свечи и та самая тошнотворная сладость, как от лилий на могиле.

— Би-ле-т.

Макс протянул руку. Пальцы дрожали, и билет ходил ходуном в воздухе - он не мог унять эту дрожь, как ни пытался. Существо ухватило билет двумя фалангами. Его прикосновение было ледяным - холод пронзил пальцы и поднялся до самого локтя, оставляя ощущение онемения.

И произошло то, от чего у Макса перехватило дыхание.

Бумага начала светиться. Не ровным сиянием - гниlostным, пульсирующим светом, как трухлявый пенёк, кишасший личинками. Свечение поползло вверх по пальцам существа, подсвечивая изнутри серую плоть, - и Макс увидел то, чего не должен был видеть: под кожей не было костей. Только пустота, заполненная теми же тенями, что текли за окном.

— Пла-теж... при-нят, — проскрежетало существо.

Но билет не вернуло. Пальцы сжались сильнее, и Макс услышал - или ему показалось? - тихий хруст бумаги.

— Мес-то... три-над-цать. Пос-лед-ний.

— Что значит «последний»? — вырвалось у него. Голос прозвучал громче, чем хотелось бы, - слишком резкий для этой удушающей тишины.

Существо разжало пальцы. Билет упал Максу на колени - словно кусок льда, всё ещё хранящий мертвенный озноб чужого прикосновения. Существо поплыло дальше, в следующий вагон, и Макс наконец выдохнул, понимая, что не дышал последние полминуты.

— Что это было? — прохрипел он, повернувшись к Элайзе.

Та поправила жемчуг на шее. Движение было спокойным, размеренным - ни намёка на страх.

— Кондуктор. Или та форма, которую он предпочитает носить здесь. Они не проверяют билеты, Макс. Они аудируют платёж. Считывают информацию. Оценивают, достаточно ли вы заплатили для проезда.

— Я ничего не платил!

— Платили. — Элайза закрыла блокнот, зажав карандаш между страниц. — Просто валюта здесь иная. Вы приняли конверт. Вы сели в поезд. Ваше согласие - это первый взнос. Оно уже занесено в гроссбух.

— Чей гроссбух?

— Владельца. — Она произнесла это слово так, будто оно само по себе всё объясняло. — Того, кому принадлежит маршрут. Того, кто нанимает Жнецов.

— Жнецов?

— Сопровождающих. Коллекторов. Логистов - называйте, как хотите. Они собирают души. Следят за порядком. Обеспечивают доставку.

Макс вспомнил незнакомца в плаще. Вспомнил перчатки, бабочку, холодный взгляд. Вспомнил конверт на стойке бара. «Я оставляю это здесь. На случай, если передумаете».

— Человек, который дал мне конверт... он Жнец?

Элайза чуть наклонила голову. В её глазах мелькнуло. Уважение? Или тревога?

— Вы встречались с ним до поезда? Это... необычно. Обычно они не контактируют с пассажирами напрямую. Только через посредников.

— Он сам пришёл. В бар.

— Значит, вы особый случай. — Она снова раскрыла блокнот и сделала ещё одну пометку. — Очень особый.

Маленький пассажир

Дверь в торце вагона отворилась снова. На этот раз бесшумно - ни скрипа, ни вдоха пневматики. Просто разъехалась в стороны, как будто сам вагон приглашал войти.

В проёме стоял мальчик.

Лет восьми, не больше. Одет он был до странности старомодно - так одевали детей в начале прошлого века, на старых фотографиях, которые Макс видел в антикварных лавках. Короткие вельветовые штаны на подтяжках, белая рубашка с кружевным воротничком, начищенные до зеркального блеска туфли. Волосы - светлые, почти белые - были аккуратно причёсаны на пробор. Лицо бледное, с тонкими чертами, как у фарфоровой куклы.

В руках он прижимал к груди куклу. Точную свою копию - те же светлые волосы, тот же кружевной воротничок, те же вельветовые штаны. Но у куклы была изломанная, застывшая улыбка - слишком широкая для такого лица, слишком неестественная. Стекланные глаза куклы не мигали. Они смотрели прямо перед собой, и Макс готов был поклясться, что их взгляд был более живым, чем у самого мальчика.

— Вагон семь? — спросил мальчик. Голосок был тонким, но поставленным, как у ребёнка, которого учили говорить правильно - с интонациями, с паузами, с уважением к старшим.

— Да, — ответила Элайза. — Проходи, малыш.

— Я не малыш. — Мальчик прошёл по проходу и остановился у шестнадцатого места - крайнего слева, у самого окна. Опустился на бархатное сиденье, расправил складочку на вельветовых штанах - движение точное, отработанное, привычное, - и усадил куклу на колени. — Меня зовут Оливер.

Кукла уставилась прямо перед собой немигающим взглядом. Её стеклянные глаза отражали свет ламп.

Поезд чуть качнуло, и голова куклы дёрнулась - едва заметно. Макс мог поклясться, что увидел движение губ. Фарфоровые губы дрогнули - не от толчка поезда, а от чего-то внутреннего.

— Ты один? — спросил Макс, стараясь не смотреть на игрушку.

— Нет. Я с Долли. — Оливер погладил куклу по фарфоровой голове, и в этом жесте было что-то не по-детски нежное, от чего у Макса по спине пробежали мурашки. — Мы уже очень долго едем. Дольше, чем кто-либо.

— Куда?

— Поезд знает. — Оливер посмотрел на Макса, и его глаза - светло-голубые, почти прозрачные - на мгновение показались бездонными. Как окна в пустоту. — Он всегда останавливается там, где нужно. Особенно на тех станциях, где пахнет гарью. Там... интересно.

— Что значит «интересно»?

— Там пассажиры выходят, — просто ответил Оливер. — Но не все. Некоторые остаются.

Навсегда.

Первое исчезновение

Поезд дёрнулся.

Это был не мягкий толчок, к которому Макс начал привыкать, - сильный, резкий удар, от которого лязгнули стёкла в рамах, а лампы под потолком закачались. Свет погас с характерным звуком лопнувшей электродуги - не просто выключился, а именно умер, оставив после себя запах горелой проводки.

Им на смену пришло только фосфорное свечение извне, просачивающееся сквозь окна.

А затем раздался звук.

Тяжёлое, влажное шуршание. Что-то массивное ползло по крыше вагона - медленно, неотвратно. Металлическая обшивка прогибалась под его тяжестью, и Макс видел, как потолок над головой идёт волнами - вмятина появлялась то в одном месте, то в другом, словно нечто пробовало крышу на прочность. Секунда затишья - и снова шуршание, ближе, над самым окном. Макс физически ощутил, как продавился потолок в нескольких футах над его головой, и услышал скрип металла, жалобный, как стон раненого зверя.

— Не смотрите в окно, — тихо произнёс Оливер. Он прижимал куклу к себе обеими руками, и в его голосе появилось что-то, чего Макс не слышал раньше. Тревога. — Особенно сейчас. Когда они близко.

Но Макс уже смотрел. Он не мог оторваться.

К стеклу прижалось лицо.

Не отражение - лицо снаружи. Стекло запотело от его дыхания. Лицо было искажённым, вытянутым книзу, будто сама плоть сползала с костей. Рот широко разверст в беззвучном крике, и внутри - не зубы, не язык, а только чернота, уходящая вглубь. Глаза - две абсолютно чёрные воронки, похожие на водовороты, затягивающие в себя слабый фосфорный свет. В них не было белка, радужки, зрачка - только голодная, засасывающая пустота.

Лицо прижималось к стеклу всё сильнее, расплющивая черты. Оно словно пыталось просочиться сквозь стекло, пройти сквозь барьер, отделяющий внешнее от внутреннего.

А потом лицо дёрнулось и исчезло, растворившись во тьме, как чернильная капля в воде. Свет зажегся снова - резко, до рези в глазах, - и в вагоне наступила звенящая тишина.

Свет вспыхнул - резко, до рези в глазах, - и Макс первым делом рванул взгляд к окну. Пусто. Тьма за стеклом снова стала просто тьмой, и ничто не напоминало о лице, которое только что висело там, расплющенное о стекло.

А потом он заметил другое.

В первом ряду, у самого окна, зияла пустота - не просто отсутствие человека, а прореха в воздухе, дыра, которую ещё секунду назад заполняло тело. Женщина, которую Макс помнил смутно - как помнят тень, мелькнувшую на периферии зрения, - исчезла. Не встала. Не вышла. Просто перестала быть.

От неё остались только две вещи.

Сумочка - маленькая, тёмно-бордовая, с застёжкой в виде львиной головы. Медь позеленела от времени, но грива хищника всё ещё была гордо выточена, и в тусклом свете ламп казалось, что лев не скалится - он кричит. Беззвучно. Вечно.

И газовый шарф - полупрозрачный, сиреневый, с вышитыми по краю крошечными цветами. Он лежал на сиденье, всё ещё храня складки от невидимой шеи - тёплые, живые, не успевшие расправиться. Одна его кисть свешивалась вниз, почти касаясь пола, и в этом было что-то до жути живое: казалось, шарф ждёт. Ждёт, что хозяйка возьмёт его, набросит на плечи, поправит вуаль и снова уставится в окно. Но хозяйки больше не было.

Он не видел самого исчезновения - только его результат. Макс поднялся и, сам не зная зачем, подошёл ближе.

На полу осталась лужица. Не вода - что-то прозрачное, но густое, тягучее. Оно собиралось в капли, которые не растекались, а дрожали на месте, будто никак не могли решить, живы они или уже нет. Запах - морская соль пополам со сладким, приторным, кладбищенским ароматом лилий. Так пахнут покойники, которых уже подготовили к похоронам.

Элайза сделала короткую запись - несколько слов, не больше. Графит скрипнул о бумагу, и это был единственный звук в онемевшем вагоне.

— Первый, — сказала Элайза, захлопывая блокнот. Голос был ровным, как если бы она записывала результаты анализа.

— Что «первый»?

— Первое исчезновение в рейсе. Одно на вагон. Сразу после проверки.

— Почему именно она?

Элайза кивнула на кресло, где только что сидела женщина.

— Её билет не светился. Слабая плата.

— А мой светился.

— Очень ярко. — Она выдержала паузу. — Таких забирают последними.

— Почему?

Вместо неё ответил Оливер. Не поднимая глаз от куклы:

— Чтобы выжали до конца.

Элайза ничего не добавила. Только провела пальцем по корешку блокнота - движение, заменявшее ей слова. Макс вернулся на своё место.

Гость из бара

Поезд начал замедлять ход. Впервые с момента отправления за окном появились проблески света - тусклого, мерцающего, как пламя свечи на сквозняке. Свет выхватывал из темноты очертания платформы.

Она была старой. Гораздо старше, чем та, с которой сел Макс. Каменные колонны, увитые мхом, потрескавшиеся плиты пола, ржавые указатели с надписями на незнакомом языке - буквы были угловатыми, клинописными, как на древних табличках. Единственный уцелевший фонарь раскачивался на ветру - но не скрипел. Вокруг царил тишина. Ветер дул, но не издавал звука - только шевелил полы плаща человека, стоящего на платформе.

Макс узнал его мгновенно. Память тела сработала быстрее памяти разума: сердце пропустило удар, ладони вспотели, дыхание перехватило. Длинный плащ. Поза - расслабленная, но готовая к движению. Лица не было видно под капюшоном, но Макс знал, кто это. Фигура откинула капюшон и сбросила плащ, стряхнув с плеч капли несуществующего дождя.

Белая рубашка с закатанными до локтя рукавами. Бордовый жилет, облегающий торс, как доспех. Чёрная бабочка - идеально ровная, ни на миллиметр не ушедшая в сторону. Чёрные кожаные перчатки, обтягивающие длинные пальцы.

Незнакомец улыбнулся.

Это была не просто улыбка - это было приветствие. Тёплое, почти родное. Так улыбаются люди, которые приходят на похороны с бутылкой хорошего виски и точно знают, что покойник перед смертью задолжал им круглую сумму.

Он шагнул в вагон, и с его появлением атмосфера изменилась. Воздух стал плотнее, холоднее. Лампы под потолком замерцали - не как при появлении Кондуктора, а иначе. Ровнее. Спокойнее. Словно само электричество признавало его власть.

— Кажется, я опоздал, — произнёс он с непринуждённостью, от которой у Макса свело скулы. — Надеюсь, не пропустил ничего важного?

Его взгляд скользнул по Элайзе - та встретила его холодным, изучающим прищуром и не отвела глаз. Задержался на Оливере - мальчик прижал куклу крепче. Затем взгляд остановился на Максе. В зрачках Алекса мелькнуло что-то хищное и довольное - сатисфакция коллекционера, нашедшего недостающий экспонат.

— Максимилиан, я полагаю? — Он протянул руку в перчатке. — Алекс. Ваш проводник, куратор и, если понадобится, исповедник. Хотя последнее - за дополнительную плату. Рад, что вы всё-таки приняли приглашение. Не каждый отваживается. Некоторые до платформ и поворачивают назад. Вы - не повернули. Это делает вам честь.

Рукопожатия не случилось. Макс разглядывал перчатки - швы, прошитые вручную, безупречную посадку, кожу, обтягивающую каждый палец как вторая кожа. Бабочку - нить галстука не шелохнулась. И улыбку - губы растянуты, а глаза оставались холодными, пустыми, нетронутыми.

Алекс, нисколько не смутившись, убрал протянутую руку и неторопливо двинулся по проходу.

— Ну что, коллеги? — он обвёл взглядом вагон. — Уже познакомились с местными особенностями?

Он заглядывал в каждое кресло с видом кондуктора, сверяющегося с невидимым списком: короткий взгляд - едва заметный кивок - дальше. У первого ряда задержался. Алекс хмыкнул, сделал мысленную пометку и двинулся дальше.

— Ах да. Уже началось. Как всегда - строго по расписанию. Первое исчезновение после первой проверки билетов. Кондуктор не теряет форму. — Он повернулся к Максиму, и его голос упал до конфиденциального шёпота. — Знаете, Максимилиан, какая самая интересная остановка на этом маршруте? Первая. Мы называем её Лимб. Но местные зовут проще - Вход. Потому что именно там некоторые пассажиры понимают, что лучше бы они никогда не брали этот билет.

Макс, молчавший всё это время, наконец разлепил спекшиеся губы. Алкоголь выветрился, оставив после себя сухость во рту и тяжёлую, пульсирующую боль в висках. Но мысли прояснились - достаточно, чтобы задать вопрос, который вертелся на языке с того самого момента, как незнакомец переступил порог бара.

— Это ты... тот, кто оставил конверт. Зачем ты меня сюда затащил?

Алекс прижал руку к груди - театральный жест, фальшивое смирение, отработанная скромность. Макс видел такие на сцене сотни раз.

— О, вы помните! Скромный курьер, не более. Хотя, пожалуй, «куратор» звучит точнее. Я подбираю маршрут. Слежу, чтобы пассажиры добрались до своих станций.

— Куратор чего? — Макс оборвал его на полуслове.

— Путешествия, — Алекс одарил улыбкой. — У каждого здесь свой багаж. Воспоминания. Надежды. Страхи. Долги. Всё это нужно доставить. Или утилизировать. В зависимости от качества.

Он перевёл взгляд на мальчика, и его голос смягчился - или Макс показалось.

— Оливер, дружок. Ты ведь знаешь, куда едешь?

— Домой, — прошептал ребёнок. Кукла в его руках едва заметно кивнула - фарфоровая голова качнулась вверх-вниз, раз, другой, и замерла. Имитация согласия. Или что-то большее.

— Именно. Домой. — Алекс повернулся к Макс, и в его глазах заплясали опасные искорки. — А вы, Максимилиан? Вам должны просто наблюдать, не так ли? Что ж, вы уже начали.

Он элегантно жестом указал на опустевшее кресло.

— Первое исчезновение. Не находите этот объект захватывающе интересным? Особенно если учесть, что это не было исчезновением. Это была ампутация. Удаление. Система избавилась от слабейшего элемента, чтобы он не мешал остальным.

У Макса заledenели позвонки.

— Что ты имеешь в виду?

Но поезд ответил за Алекса - дрогнул и начал набирать ход. За окном снова сгустилась пустота, и в ней проступили контуры - не размытые тени, а что-то более материальное. Огромные, неповоротливые силуэты терпеливо ждали своего часа, и с каждым рывком состава они становились ближе.

— А теперь, — Алекс подался вперёд, — наслаждайтесь путешествием. Вы согласились наблюдать - наблюдайте. За мной. За ними. За собой. Особенно за собой. Потому что именно это, — его улыбка стала острее, — ваш главный объект. То, что происходит внутри вас, когда система начинает снимать слой за слоем. Когда маски спадают. Когда остаётся только правда.

Он замолчал. Поезд набирал скорость. Где-то далеко, в голове состава, раздался низкий гудок - почти живой, как стон огромного зверя.

Макс смотрел на улыбку Алекса, которая обходила глаза стороной. Наблюдение началось. Объект неизвестен. Цена не н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.